

УДК 327-027.4(470):323.28

Шегаев И.С.

(г. Москва)

ИГИЛ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ:
ОЦЕНКА РИСКОВ И УГРОЗ

Аннотация. Основной целью статьи является выявление и обозначение наиболее вероятных для России рисков со стороны интенсивно развивающейся радикальной террористической группировки «Исламское государство» (ИГ или ИГИЛ). Результаты научно обоснованного политологического анализа позволяют сделать вывод о низкой вероятности открытого военного вторжения на территорию РФ, в частности Северо-Кавказского Федерального округа. Тем не менее, по мнению автора, не исключены иные формы угроз национальной безопасности России, в первую очередь информационная и социокультурная.

Ключевые слова: терроризм, религиозный радикализм, «Исламское государство», ИГИЛ, фундаментализм, исламское возрождение, угроза национальной безопасности, «Аль-Каида».

I. Shegaev

(Moscow)

ISIL AND NATIONAL SECURITY OR RUSSIA:
ASSESSING RISKS AND THREATS

Abstract. The main purpose of this paper is the identification and designation of the most likely risks for Russia from the rapidly developing radical terrorist group "Islamic State". The results of a scientific political analysis allow to make a conclusion about low probability of open military invasion onto the territory of the Russian Federation, in particular the North Caucasian Federal District. However, in our opinion, do not exclude other forms of threats to the national security of Russia: first of all, informational and socio-cultural ones.

Key words: terrorism, religious radicalism, "Islamic state", ISIL, fundamentalism, Islamic revival, threat to national security, "Al-Qaeda".

Конфликтогенный потенциал современного глобализирующегося пространства невероятно велик: несмотря на формальное окончание противостояния двух сверхдержав, имперские амбиции Атлантики продолжают брать верх, провоцируя новые столкновения цивилизаций на поле «великой шахматной доски» [1; 10].

Конфессиональные и ценностные различия становятся камнем преткновения на пути построения однополярного мира. Стремление насадить

повсюду западную модель развития порождает негативные последствия. Одним из них является рост терроризма.

Иллюстрацией отмеченной выше тенденции является деятельность экстремистских группировок, («Братья мусульмане», «Аль-Каида», «Хезболла», «Таллибан» и др.) которые, активно интерпретируя канонические тексты, мобилизуют значительные массы сподвижников, шествуя к общей цели – кровопролитной войне (так называемой «газават» в искаженном её понимании) с ценностями секулярного общества [2; 3]. На счету подобных террористических формирований огромное количество человеческих жертв и масштабных диверсий, а их лидеры – первоочерёдные цели международной полиции и спецслужб разных государств мира. При этом масштаб деятельности боевиков, как правило, ограничен рамками государства, которое их породило (например, «Хезболла» и «Таллибан»). В редких случаях террористам удаётся выйти за эти пределы, но так или иначе, активность их ограничена, точечна и осуществляется посредством «филиалов» (например, «Аль-Каида») [14].

На этом фоне особого внимания заслуживает самая молодая и при этом прогрессивная террористическая группа – «Исламское государство Ирака и Леванта» (далее – ИГИЛ). Являясь структурным подразделением «Аль-Каиды», ИГИЛ, а впоследствии ИГ («Исламское государство») сумело добиться наиболее внушительных результатов, в отличие от её предшественников. Интенсивность развития бандформирования буквально сопоставима со скоростью имеющих в его распоряжении сверхзвуковых самолётов: благодаря продуманной стратегии ИГ оккупировало треть Ближнего Востока, провозгласило себя независимым государством с собственной столицей, паспортом и даже валютой: золотые и серебряные динары чеканятся одновременно с печатью основного «гражданского документа» и тут же вводятся в оборот в городе Ракка (оплот боевиков на севере Сирии).

Поразительный успех группировки, столь быстро реорганизованной в государство, объясняется целым рядом факторов:

- колоссальный финансовый прирост, основанием которого выступает в первую очередь незаконный сбыт нефти на чёрном рынке;
- материально-техническая база, представленная количественно и качественно (от ПЗРК до тяжёлых сверхзвуковых многоцелевых истребителей типа «Миг-21» и «Миг-23»);
- активный и разносторонний рекрутинг, посредством которого в группировку завербовано более 15000 человек (в том числе женщины и дети);
- уникальная административная специфика, сочетающая традиционную для экстремистов группу исламистов-догматиков с военным крылом, для которого исламские ценности – лишь инструмент эквилибристики;

– разносторонние PR-технологии, активно применяемые ИГ в целях военной мобилизации и привлечения новых adeptов.

Анализ реальности рисков «Исламского государства» по отношению к России продиктован рядом обстоятельств, представляющих для нашей страны очевидную актуальность.

Во-первых, в начале сентября ИГ инициировало обращение к Президенту Путину: террористы в выложенном в Интернет видеоролике угрожают начать войну «за освобождение Чечни и Кавказа» [4]. Через некоторое время агентство Bloomberg опубликовало запись телефонного разговора, в котором один из лидеров «Исламского государства» Тархан Батирашвили докладывает своему отцу об успехах военной кампании на Ближнем Востоке, сообщая, что «следующей целью станет Россия» [8].

Во-вторых, как уже было обозначено, обращает на себя внимание растущий военный потенциал группировки, измеряемый численным ростом, технологическим, организационным и общественным прогрессом.

В-третьих, прослеживается определённая заинтересованность ИГ в территории Северного Кавказа: большинство населения субъекта исповедуют суннитский ислам, что позволяет рассчитывать на опору культурной идентичности с одной стороны и органично вписывается в «халифатский концепт» – с другой. Помимо всего прочего, 1/2 территории Северного Кавказа граничит с акваторией (с запада и востока субъект омывается морями), а следовательно, наиболее вероятным очагом боевых действий с Россией будет только северный рубеж. Некоторый интерес для радикалов Кавказ представляет и с точки зрения своего конфликтогенного потенциала: в лице приверженцев неоваххабизма ИГ вполне может найти поддержку, разыгрывая сценарий, схожий с иракским и сирийским.

В-четвёртых, вызывает определённые опасения территориальная близость боевиков: террористы не просто находятся на одном континенте с РФ. Границы «халифата» пролегают в 750–800 км от российских.

Мнения специалистов о степени риска разнятся. Так, старший научный сотрудник Центра арабских исследований Института востоковедения РАН Борис Долгов, не умаляя заслуги боевиков, считает угрозу вполне активной.

Доклад секретаря Совета безопасности РФ Николая Патрушева говорит о том, что опасения оправданы лишь отчасти: «имея боевой опыт и оставаясь религиозно и политически заряженными, боевики могут представлять собой некоторую угрозу национальной безопасности, однако преувеличивать её не стоит», – сказано в сообщении [8].

Об обратном заявляет заведующий сектором истории и политики проблем отдельных арабских стран Института востоковедения РАН Баграт

Сейранян. «О каком Кавказе может идти речь, – пишет эксперт, – если они не могут взять Багдад» [9].

Ответ на этот, безусловно, актуальный для РФ вопрос следует искать в работах представителей геополитики, в частности, в работе С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Профессор гарвардского университета делает акцент на так называемых «линиях разлома», которыми испещрена политическая карта мира [6]. В сущности, речь идёт о неких незримых цивилизационных пределах, которые, не всегда совпадая со страновыми границами, имеют для конфликта определяющее значение. «Эффект линий разлома между цивилизациями, – пишет учёный, – вызывает рознь [13, с. 267]. Хантингтон обращает внимание на то, что «культурные сообщества приходят на смену блокам времён «холодной войны», и линии разлома между цивилизациями становятся центральными линиями конфликтов в глобальной политике» [13, с. 238].

К рассматриваемому вопросу этот тезис имеет самое непосредственное отношение: оплот «Исламского государства» – группа захваченных городов Ирака и Сирии (захвачены были, в том числе, за счёт опоры на местное население, имеющее одну культуру и корыстную заинтересованность) – имеет довольно основательную по глубине и протяжённости линию разлома на севере. Речь идёт о пограничных и соседних государствах: Иране, Армении, Азербайджане, Грузии, Южной Осетии и Абхазии.

Практически все указанные страны (за исключением Азербайджана и Ирана, которые исповедуют шиитский ислам) являются христианскими. Разность конфессий не просто отличие. В нашем контексте это основополагающий барьер: религиозная концепция служит для ИГ идейным вдохновением, которое оно не сможет почерпнуть на севере. Группа «религиозно подобранных» стран, таким образом, служит своего рода плотным заслоном, стоящим на пути развития массового радикализма. Вероятность лёгкого прохождения боевиками расстояния в практически 750–800 км (от северной границы Ирака до Владикавказа) сведена, таким образом, к минимуму. Встречая сопротивление, группировка не сможет сделать главное – «разыграть исламскую карту», опираясь на цивилизационную идентичность смежных государств в силу её отсутствия.

Ещё одним препятствием для ИГ, находящимся на «российском маршруте», являются объекты российского военного присутствия. Так, с 2009 г. в Абхазии дислоцируется 7-я объединённая военная база российских Вооружённых сил с численностью контингента до 4000 человек, в Армении – 102-я российская военная база в Гюмри, контингент которой ещё больше – около 5000 солдат, в Южной Осетии – 4-я объединённая военная база, имеющая в распоряжении порядка 4000 российских военных [5]. То есть суммарно объединённые силы отечественных военнослужащих превышают общее число

боевиков. Таким образом, даже если допустить, что все террористы ИГ будут направлены в сторону российских границ, дойти до них в целости, минуя военные базы РФ, не представляется возможным.

Немаловажным с точки зрения оценки угроз ИГ является вопрос о взаимоотношениях России с иными закавказскими республиками, для понимания их «пропускной способности».

19 февраля 2014 г. Россией и Азербайджаном на «взаимовыгодных коммерческих условиях» был подписан договор о возобновлении транспортировки нефти по трубопроводу Баку-Новосибирск [11], 29 сентября 2014 г. между республиками было заключено соглашение «о поощрении и взаимной защите инвестиций, способствующее развитию взаимовыгодного торгово-экономического и научно-технического сотрудничества, а также деловой инициативы в обоих государствах» [11]. Кроме того, до 2018 г. действует официально заключённый Россией и Азербайджаном 3 июля 1997 г. договор «О дружбе сотрудничестве и взаимной безопасности» [11] – определяющий в контексте рассматриваемой проблематики документ.

Также важно отметить работоспособность и российско-иранских соглашений: о торговом и экономическом сотрудничестве, об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества, о взаимной защите секретной информации и др. [11].

В соответствии с Нотой иностранных дел Грузии [7], с 15 сентября 2014 г. возобновилось регулярное авиационное сообщение по линии Москва-Тбилиси-Москва, прерванное в августе 2008 г. в связи с вооружённым конфликтом в Южной Осетии [11]. Однако, несмотря на осложнения, возникшие в связи с военным конфликтом, продолжают действовать большинство заключённых между Грузией и Россией соглашений и договоров, в том числе соглашение по «обеспечению безопасности мореплавания в прибрежных водах Грузии» [11].

Обозначенные факты – признаки если не возрождения взаимоотношений советского периода, то точно оздоровления экономических отношений, которые множась на военный потенциал «христианских союзников», создают третью проблему для «халифата». Четвёртым фактором, препятствующим продвижению «Исламского государства» в направлении РФ, является реакция «стержневой республики» Северного Кавказа – Чечни, глава которой очень резко отреагировал на «псевдоджихад», обещая боевикам ИГ «пламя вечного ада» [9]. За последнее десятилетие отношения между Москвой и Грозным существенно изменились. Средства, полученные из федерального бюджета, существенно видоизменили Чечню. В 2008 г., в Грозном было закончено строительство одной из самых больших мечетей мира. Таким образом, относительное спокойствие и ряд иных предпочтений вне

всяких сомнений предпочтительнее для Чеченской республики, нежели «заочное» предложение экстремистов.

Пятый фактор – стратегический. Территория Северо-Кавказского округа не примечательна значительными нефтегазовыми запасами – основным сырьём, служащим для ИГ финансовой площадкой. Даже если допустить, что малочисленные ресурсы региона будут захвачены, а сам регион оккупирован, то едва ли эти приобретения покроют грандиозные расходы террористов, затраченные на кампанию: денежные, материально-технические и человеческие.

Резюмируя вышеизложенное, справедливо сделать вывод: вероятность открытого военного вторжения ИГ на территорию РФ или её отдельного Федерального округа сведена к минимуму.

Однако помимо военной кампании следует учесть и иные формы рисков, потенци которых, исходя из факторов становления и развития «Исламского государства», кажутся наиболее вероятными.

По нашему мнению, первым таким риском может стать активизация деятельности отдельных бандформирований или иных радикальных групп, предполагающая организацию терактов, подобных Московским (2010) или Волгоградским (2014).

Второй объективной проблемой для России является отток населения (в первую очередь, молодёжи) в направлении «Исламского государства». Речь идёт в частности о женщинах, которые, подвергшись нейролингвистическому программированию (нередко применяемая в политике технология) или иным инструментам психологической трансформации, покидают Россию, становясь наложницами джихадистов. Подобная проблема, помимо преступности, содержит в себе ярко выраженную симптоматику социокультурного некроза российского общества, влекущего за собой серьёзные последствия.

Третьей группой риска являются журналисты, наблюдатели, а также русскоязычное христианское население, составляющее, по меньшей мере, 10 % от общего числа граждан Сирии [12]. Учитывая серию показательных казней американских репортёров и европейских туристов, эта угроза кажется нам вполне обоснованной.

Анализ становления и развития группировки «Исламское государство» позволяет говорить о наличии серьёзной проблемы для России. Исключая открытое военное вторжение ИГ в Россию, тем не менее, нельзя недооценивать активности боевиков: ведь ещё недавно они были лишь осколками «Аль-Каиды», а сегодня забивают последние сваи фундамента халифата и, твёрдо укрепившись на собственной территории, раздают паспорта и чекают собственные монеты.

Формируя вектор противодействия экстремизму «Исламского государства», важно, по нашему мнению, делать акцент не только на ликвидации финансовой составляющей, как об этом говорят сотрудники американского Госдепа, но и информационной – не менее, а в данной ситуации даже более значимой позиции, посредством которой чётко продуманная идеология доходит до «адресата». Ведь именно при помощи информационной войны рубежи ИГ привлекают новых адептов. В связи с этим обстоятельством проводимая сегодня военная кампания помимо всеобщей консолидации, переходящей в мобилизацию, обязательно должна сопровождаться комплексной информационной стратегией. Только в этом случае она будет по-настоящему эффективна.

Литература:

1. *Абрамов А.В.* Современные концепции модернизации: работа над прежними ошибками // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». 2012. № 4. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/240> (дата обращения: 02.11.2014 г.)
2. *Анвар аль-Биляль* Стереотипный образ ислама в англо-американской политологии и западных средствах массовой информации: дис ... канд. пол. наук. М., 2006. 164 с.
3. *Армстронг К.* Битва за Бога: история фундаментализма. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 502 с.
4. Боевики «Исламского государства» угрожают начать войну на Кавказе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aif.ru/politics/1329641> (дата обращения: 04.11.2014 г.)
5. Все российские базы // Коммерсант [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/766827> (дата обращения: 06.11.2014 г.)
6. Геополитика: антология. М.: Академический Проект; Культура, 2006. 1004 с.
7. Грузия и Россия возобновили регулярное авиасообщение между странами // Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/world/397166> (дата обращения: 06.11.2014 г.)
8. «Исламское государство» и США угрожает безопасности России // РИА-НОВОСТИ [Электронный ресурс]. URL: <http://rian.com.ua/analytics/20141013/358197693.html> (дата обращения: 23.11.2014 г.)
9. Кадыров против «Исламского государства» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2014/09/03_a_6201557.shtml (дата обращения: 04.11.2014 г.)
10. *Комлева Н.А.* Арабская весна как технологический элемент структуры мирового господства // Пространство и Время. 2013. № 1 (11). С. 18–23.
11. Перечень двусторонних международных договоров Российской Федерации // Официальный сайт МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/spd_md.nsf/webcantr/ (дата обращения: 23.11.2014 г.)
12. Сирия. Данные о населении // Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D1%80%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 25.11.2014 г.)

13. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2007. 576 с.

14. Шегаяев И.С. Классификация методов борьбы с террористическими организациями // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 11 (58). С. 323–326